

Алексей Балакин

Белое море Юрия Казакова спустя полвека

В Койде и Майде летом 2014 года

Полтора часа наш «Ан-2» летел из Архангельска — над бесчисленными рукавами Двины, над ржавыми болотами, над миниатюрными озерами, над громадными алмазными приисками. Наконец, показалась блестящая извилистая река и ровные ряды разноцветных домиков около нее, с высоты похожих на умело исполненный макет. Сделав широкий разворот, летчик пошел на снижение. В круглых иллюминаторах домики становились все больше и больше, между ними появились засеянные картошкой огороды и аккуратно сложенные в «костры» дрова. Стали различимы железные «казанки» и широкие карбасы на реке и на ее небольшом притоке. Под крыльями замелькали старые кресты на кладбище, и вот самолет коснулся песчаной полосы. Пробежав ее и оставив за собой пылевой вихрь, он развернулся и подкатил к небольшому сарайчику — местному аэровокзалу, самому маленькому из всех, что до этого приходилось видеть. Еще до конца не остановился винт, а к самолету уже потянулись люди, мотоциклы, грузовички: кто-то обнимает прилетевших родственников, кто-то везет коробки с почтой, кто-то стремительно перегружает пачки круп для магазина. Нас встречает заместитель председателя колхоза «Освобождение». Мы в Койде.

Мы — это небольшая группа сотрудников Пушкинского Дома, академического Института русской литературы. Почти каждый год мы едем на Русской Север — записывать старинные песни, исторические предания, рассказы о прошлом; вернее, те фрагменты, что еще можно найти. Когда-то Беломорье было настоящим кладезем народного творчества, теперь традиция прервалась. Русская деревня почти умирает, люди покидают ее, поэтому от некогда значимых, красивых древних обычаев остались лишь печальные отголоски, хранящиеся в гаснущей памяти стариков. Начиная с 2007 года, сотрудники Пушкинского Дома объездили все более или менее крупные поселения на Белом море, где раньше записывались целые тома былин и сказок, но в Койде мы впервые. Это некогда большое и богатое село было центром старообрядческой традиции, а ближайшая к нему деревня Майда славилась песенницами, поэтому наш путь лежит и туда.

Но нынешняя экспедиция все же для меня особенная. В Койду и Майду меня вело не только желание записать старинные песни или найти фрагменты старинных рукописей...

Более полувека назад, в 1960 году эти края посетил писатель Юрий Павлович Казаков. Результатом поездки стал очерк «Северный дневник», который ныне считается одной из лучших книг о Русском Севере. Этот очерк документален, что подчеркивал и сам его автор: **«Я не сочинял ничего. Я даже фамилии своим героям не придумывал, все они у меня живут под своими именами...»** Поэтому мне хотелось разыскать если не упомянутых в «Северном дневнике» людей — все-таки прошло более полувека! — но хотя бы их родственников и знакомых, узнать о них то, что осталось за границами текста очерка. И надежды мои, хоть и не сразу, но начали оправдываться.

* * *

В Койду Казаков плыл из Мезени на принадлежавшем колхозу «Освобождение» сейнере «Белужье». **«Этот рейс у сейнера как бы ненастоящий: вместо рыбы и грузов везут только нас...»** Сейнер долго стоял у якорного буя, ждал прилива, чтобы зайти в реку. Этот буй сохранился — сейчас из него сделали часовню в память погибших на море, которая стоит в центре села, около церкви, побывавшей за долгую жизнь и клубом, и складом. На стенах часовни — памятные доски с именами койдян, погибших

Койда с самолета. Фото Е.Л. Капустиной

на море, и стихотворение про гибель в 1945 году на Мурмане колхозного бота «Каганович». На память об этой и других трагедиях жители села поставили около невядалеке от устья реки, в нескольких километрах от Койды, на высоком берегу три памятных креста — их можно видеть, заплывая в реку со стороны моря. Архангельский писатель Евгений Богданов так писал про эти кресты в своем романе «Поморы», посвященном становлению колхоза «Освобождение»: «Сюда, словно на древнее языческое капище, каждый год в день поминовения приходили матери и вдовы утонувших рыбаков плакать и причитать <...>. Только ветры да пустынный берег знали, сколько тут было пролито слез, сколько произнесено сокровенных, идущих от сердца слов»¹.

«Белужье» все-таки в реку не вошел: за Казаковым и его спутниками колхоз послал дору, которой было плыть до пристани часа полтора. «Показываются первые сизые постройки, высокие амбары на берегу, очень редкие, одинокие, со съездами, по которым можно вкатывать бочки и даже въезжать на телеге на второй этаж. <...> Дома, избы серые и черные от времени, с белыми наличниками окон в два этажа, все чаще. На отмелом берегу видны уже следы людей и коров, уже чернеют первые выгашенные на берег карбасы, а впереди видна церковь без креста, частота построек, деревянные тротуары, изгороди, перечеркивающие все это зеленое и серое, глухие длинные бревенчатые стены складов и домов, виден причал, бот возле причала, доры, моторки на якорях — все повернутые носом против течения. А на берегу дикий, громадный, неожиданный здесь крест — покосившийся, поддерживаемый только

провоолокой, натянутой от земли к телефонному столбу... Стук мотора обрывается, с журчанием все медленней подходим мы к мотоботу, причаленному возле пристани, слабо стукаемся о его борт, перелезаем на него, шагаем по ящикам, по бочкам, сложенным на палубе, выбираемся на причал. <...> Нас встречает председатель колхоза. Мы в Койде».

Если плыть от моря к Койде сейчас, то можно видеть примерно такую же картину. Правда, сначала появятся гигантские цистерны для хранения солярки — на ней работает обеспечивающий Койду электричеством движок, затем разрушенные здания фабрики по

обработке тюленьих шкур, затем проржавевшие остовы сейнеров, а потом уже и заколоченные амбары. Некогда богатство и славу Койде доставляла зверобойка, теперь же бить тюленя запрещено, а весь комплекс — от вольеров и клеток до ангаров и цехов — гниет, ржавеет и разваливается. Объединяющий Койду и Майду колхоз «Освобождение» по сравнению с другими, соседними, не может считаться бедным: ему принадлежит два сейнера, один из которых вошел в строй совсем недавно — а совокупная прибыль за 2012 год составила свыше 60 млн рублей. Однако ряд промыслов ныне заброшен: уже никто промышленно не ловит ни камбалу, ни навагу; раньше в колхозе было свыше сотни коров, сейчас — лишь десяток.

Причал, на который ступил Казаков, сохранился; правда, уже не используется и находится в полуразрушенном состоянии. К нему примыкает пустующее здание рыбокоопа, а упомянутый крест лет десять назад был заменен другим, хотя остатки старого не убраны и лежат здесь же. Рядом с крестом, в двух шагах от причала — дом, где жил Казаков.

Это небольшой по койденским меркам одноэтажный дом был построен для двух братьев и сестры и их семей, и, соответственно, разделен на три части. Две фасадные части занимали братья, сестре досталась задняя часть, окна которой выходили в противоположную от реки сторону. В этой части и поселился Казаков. «Живу я у старой, высокой, сухопарой женщины. Скотины она не держит и не работает. Раньше работала на почте: зимой и летом, в морозы и дожди носила и возила почту», — начинает рассказ о ней писатель и далее вспоминает про женщину-почтальона на Летнем берегу Белого моря, про то, как он хотел написать

¹ Богданов Е. Поморы: Роман в трех книгах. Архангельск, 1982. С. 537.

о ней. «Теперь, в Койде, я как бы вновь встретился с давней своей героиней, перед которой я в долгу еще, — заключает он. — И теперь я сижу у окна, а она сидит у другого, и мы молча смотрим на улицу».

Хозяйкой Казакова была Анна Евгеньевна Попова, которая много лет работала на почте, ходила пешком (изредка — на лошади) по берегу из Койды в Нижу (около 40 км), где встречалась с почтальоном из Долгощелья — села в устье реки Кулой, с которым обменивалась почтой. По рассказам односельчан, она была мастерица печь пироги, которыми снабжала всякий праздник или поминки.

Сейчас часть дома, где жила Попова, необитаема: Ее дети уехали, дверь закрыта на замок, крыша провалилась, хотя в окна видно, что часть старой обстановки сохранилась.

Сохранился и дом, который Казаков рассматривал из окна в бинокль: «Я беру бинокль, навожу, очень хорошо все видно, стекла окон отливают глухим блеском, стены сизы, дом как бы спит, но я знаю — внутри что-то делается, и от этого дом становится сразу таинствен, я чего-то жду и не могу оторваться от бинокля». Правда, сейчас от этого дома остались одни стены, и из окон дома Поповой он не виден — загорожен другим, построенным позднее. Когда-то в нем жила крепкая богатая семья, которую впоследствии раскулачили, а дом отдали бедноте. Этот лиственничный дом строили на века, но новые хозяева достаточно быстро довели его до ветхого состояния, и к моменту приезда Казакова в Койду он был почти необитаем: только в одной части жила незамужняя женщина.

* * *

Если смотреть на карту, то расстояние между Койдой и Майдой по северным меркам совсем небольшое. Однако на этот путь тратится целый день. Сначала рано утром, с большой водой, плывешь на лодке до устья реки Койды, где на мысу стоит пустующая рыбацкая тоня. Здесь несколько часов надо ждать отлива, когда отойдет вода и сможет проехать колесный трактор с прицепом. Проезжая вдоль берега, он забирает у рыбаков дневной улов семги и горбуши и везет его на тоню Большая Кедовка, где организован цех по разделке и заморозке рыбы. Здесь ее шкерят, испокон века делая это по-особенному: не целиком разрезая брюхо, а оставляя перемышку около нижних плавников, чтобы сохранить товарный вид. По этой примете

Дом в Койде, где останавливался Ю. Казаков. Фото автора

и сейчас отличить койденскую семгу, которая считается едва ли не лучшей на Белом море.

Полвека назад путь был немного другим: «Нам нужно пройти морем тридцать пять километров до Малой Кедовки, оттуда — берегом четыре километра до Большой Кедовки; где нас должна ждать машина. Приливы и отливы чередуются здесь каждые шесть часов, и вот во время отлива по песчаному берегу уходит машина с рыбоприемного пункта». Прямо до Большой Кедовки на доре было не доехать: море там слишком мелкое и близко к берегу подходить опасно. «На мотодоре есть рубка — будочка ядовито-зеленого цвета, есть компас и штурвал. Капитан — мальчишка лет восемнадцати, курносый, с круглыми глазами — забирается на свой насест над мотором. Моторист идет на нос, берет за якорный канат. Мы ему помогаем и втаскиваем на борт мокрый черный якорь. Потом моторист идет на корму, и мы трогаемся». И капитан этой доры, и работавший на ней моторист до сих пор живут в Койде. Но если бывшему мотористу Анатолию Васильевичу Малыгину этот эпизод не запомнился, то бывший капитан Николай Клавдиевич Малыгин прекрасно его помнит. Когда в 1977 году «Северный дневник» был издан полуторамиллионным тиражом «Роман-газетой», то, будучи подписчиком этого издания, он не только узнал себя, но и оставил на полях своего экземпляра следующую запись: «Это было в 1960 г. 27 июля. Я ходил на доре капитаном и было мне 18 лет». На мой вопрос, каким образом он запомнил точную дату отъезда Казакова из Койды, Николай Клавдиевич ответил, что ему памятен следующий день, 28 июля его дора сторела из-за того, что на выхлопную трубу ветер сбросил с работающего мотора брезент, а экипажа на борту не было.

Н.К. Малыгин и автор очерка

* * *

«Редки деревни на Белом море, и каждая резко отлична от другой — расположением своим и народом. <...> Одни больше, другие меньше, погрязнее и почище, повыше домами и пониже... И народ в одних поприветливее, пословоохотливей, в других поравнодушней, как бы попривычней к приезжим», — так начинается в «Северном дневнике» рассказ о приезде в Майду. В этих строках лаконично обозначены различия между двумя соседними селами, и сейчас бросающиеся в глаза приезжим. Если в Койде большинство старых домов двухэтажные, то в Майде такой был только один; улицы в Койде песчаные, в Майде — мощеные деревом; в Койде люди закрытые и скупые на слова, в Майде — радушные и общительные. **«Мы пошли <...> по улице, по бревнам, и они музыкально, как ксилофон, звучали под нашими шагами, а по сторонам были изгороди, и огороды, и дома, и прекрасный клуб наверху, и радио играло на столбе...»**, — так описывает Майду Казаков. Деревянные настилы сохранились в этой деревне до сих пор, хотя перестеленные досками; раньше они были широкими — по словам одного из местных жителей, «чтоб четыре девки в ряд помещалось» (или, скорее, чтоб могла проехать телега), сейчас и двоим еле можно разойтись. Изгородей почти не осталось, огородов мало, а упомянутый клуб при нас разбирали на дрова. Если дальше пойти

по этой улице, то можно увидеть руины дома, где останавливался Казаков.

«Прекрасный это и старый был дом! В нежилой половине его, служащей как бы преддверием повети, сложены были сырые кирпичи и навалены кучи сухого мха и пахло почему-то очень отчетливо сиренью. Мы вошли направо, в кухню, и застали чаепитие в разгаре. При нашем появлении встала с места и хорошо на нас посмотрела женщина средних лет, а в дальнем конце стола сидел высокий прямой старик и тоже смотрел, улыбаясь, как мы снимаем рюкзаки. Семьдесят лет было ему, как мы потом узнали, семьдесят лет, но на вид и пятидесяти нельзя было дать — такие густые сивые волосы валялись ему на лоб, такое красное здоровое лицо было у него и такое веселье и хозяйственность играли постоянно на этом лице! Повел он рукой, показывая на комнату позади себя, и мы начали переносить вещи туда, а он тут же приказал нести и самовар к нам и вдруг сам вошел — не вошел! — вполз к нам на коленях, и больно было смотреть, как этот красивый старик, мужественный и веселый, ползает, шуршит и постукивает культяпками своими в бахилах. А он, внимательно и вопросительно посмотрев на нас, тут же выполз и скоро вернулся с полной тарелкой квашеной семги и потом ползал с невероятной быстротой, несмотря на наши протесты, носил стаканы, блюда, сахар, а женщина — она оказалась падчерицей его — тоже бегала и ставила на стол что-то еще и еще...»

Хозяина этого дома Евлампия Александровича Котцова и сейчас помнят многие жители Койды и Майды. Подробный рассказ, как он потерял ступни ног, записан в «Северном дневнике»; можно добавить только одну деталь: приведшая к ампутации гангрена началась оттого, что его отмороженные ноги вместо спирта растерли горячим тюленьим жиром. После ампутации ему сделали специальные тюни из шкуры серки (молодого тюленя), благодаря которым он не только мог ползать на коленях, но даже очень ловко ходить на лыжах — на рыбалку на озера за несколько километров. До войны Евлампий Александрович возил на лошади почту (племянница, вспоминала, как он изредка брал ее с собой), во время войны руководил бригадой женщин-зверобоев, добывавших тюленя на острове Моржовец. После войны он работал приемщиком семги на рыбпункте, причем отличался непомерной строгостью: тщательно проверял вес привозимой с тоней рыбы и нещадно ее отбраковывал. Женат Котцов был на своей однофамилице Александре Степановне. Когда ее муж умер от испанки вскоре после советско-финской войны, Евлампий Александрович перешел жить к ней в дом, где спустя двадцать

лет и останавливался Казаков. Этот дом строился для двух братьев и был разделен на две половины. Котцов занимал левую, дальнюю от реки. Первый этаж был нежилой, приспособленный под сарай и хлев, на втором находились всего две жилые комнаты. Никакой светелки («вышки») не было, зато до сих пор сохранился широкий съезд. Рядом с останками дома стоит старинная скамья; не исключено, что, сидя на ней, Казаков записывал рассказы своего хозяина.

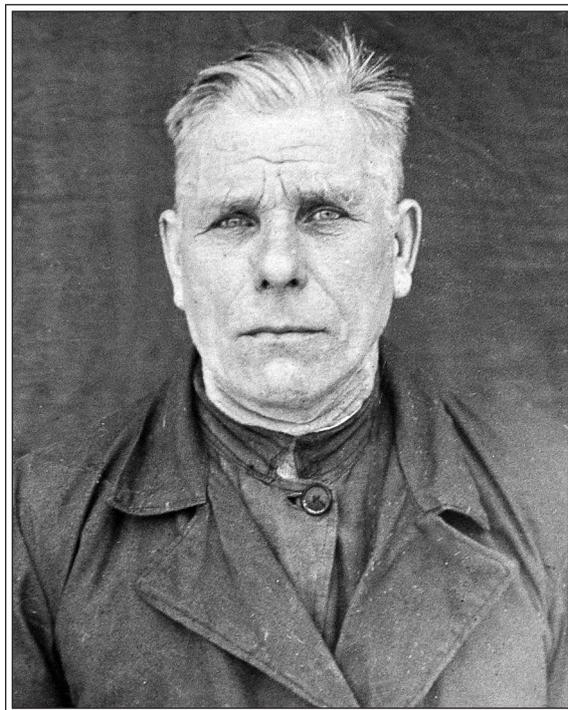
После того, как в 1958 году жена Котцова скончалась, ее дочь от первого брака Екатерина Федоровна Титова вместе с четырьмя детьми перешла жить к отчиму, поскольку была вдовой, а обветшавший дом было некому починить. Это она «хорошо посмотрела» на Казакова и его спутника, это она «тоже бегала и ставила на стол что-то еще и еще».

Евламий Александрович Котцов скончался в 1969 или 1970 году — разные люди назвали разные даты. И хотя могила его на майденском кладбище сохранилась, но на деревянном кресте нет никаких надписей; более того, сам крест перенесен с другой могилы. Умер же он не от старости: в жаркий летний день вспотел на рыбалке, а, вернувшись домой, выпил холодной воды...

* * *

Подобно Койде, Майда расположилась не у самого моря, а в глубине материка. От нее до побережья — километра три-четыре. Идти придется то сухими песчаными пригорками, то прыгая с кочки на кочку в топких местах. На тропинке и рядом с ней то и дело попадаются разноцветные стреляные гильзы: через эти места проходят караваны гусей, которые становятся законной добычей местных охотников. Тундра зарастает очень медленно; тропа, по которой я иду, возможно, была протоптана более полувека назад, и по ней до побережья шел Казаков.

Море появляется внезапно. С высокого крутого берега его поверхность кажется ровной и гладкой, и только присмотревшись, видишь, насколько оно беспокойно. Непрерывно дует ветер, но это не может не радовать: комары и мошка прячутся в траве. Сверху видно, как над волнами туда-сюда пролетают небольшие стайки морских сорок — птицы нервной, крикливой и суеливой. Здесь их почему-то называют «цыганские кибитки», хотя сроду не видели ни цыган, ни кибиток. Справа — устье реки Майды, извиляющейся между отелей. На противоположном берегу когда-то хотели строить аэродром, но сейчас об этом почти ничего не напоминает. Слева — другая речка, Майдица, меньше и мельче. Рядом с ней стоит избушка,

Евламий Александрович Котцов

с высоты кажущаяся игрушечной. Это рыбачья тоня, где Казаков беседовал с бригадиром Ильей Ивановичем Титовым и записывал его рассказы о походах семги, о хороших и худых ветрах, о тюленях и социалистическом соревновании, именно на его тоне наблюдал за ловлей рыбы и морским закатом. Рассказы эти впоследствии многократно цитировались — и лингвистами, и этнографами, и публицистами; о них вспоминают, когда заходит речь о культуре поморов.

«Титов — пожилой, небритый, худощавый, с изможденным лицом, но почему-то довольный — встречает нас у своей тони. А тоня его — маленькая избушка о двух окнах: одно на море, другое вдоль берега, на юг. Рядом с тоней избушка еще меньше, такая, что, кажется, и повернуться в ней негде. И уже подле той избушки стоит, высоко вознесенный, покосившийся восьмиконечный крест, каких множество я видел по берегам Белого моря», — так описывается в «Северном дневнике» тоня Майдица и ее хозяин. За прошедшие пятьдесят лет многое изменилось: несколько раз меняла русло река, море отошло дальше от избы, но остался переделанный из старой часовни лёдник (первоначально эта часовня стояла на высоком берегу, и лишь потом была перенесена вниз, близко к тоне), и крест — правда, он покосился и потерял две перекладины. Сама же изба другая: в конце 1970-х колхоз обновлял тони, ставил новые, более просторные избы, а старые сносил. От избы, где был Казаков, остался только заросший

Илья Иванович Титов

травой пол и остатки печки. Находилась она метрах в двадцати от нынешнего строения и немного дальше от берега. По словам старожил, она была рассчитана на шесть рыбаков; вдоль двух стен стояли одноэтажные полати, тогда как в новых избах полати уже, как правило, двухэтажные.

Самому Титову в 1960 году было 57 лет; он родился в 1903 году, скончался в 1972-м. Уроженец Майды, до войны Илья Иванович работал продавцом, во время Великой Отечественной войны воевал на карело-финском фронте. После войны был заместителем председателя колхоза, затем заведовал складом; славился как мастер на все руки: делал грабли, сани, правил косы. Надпись на могильном камне сообщает, что Титов был коммунист и «ветеран колхозного строительства» — но чем он отличился при образовании колхоза «Освобождение», выяснить не удалось.

На тоне Титов сидел не один, у него была напарница: «...на стол накрывает милая рыбачка, с грустной, приятной улыбкой слушает наши вопросы, ходит, прихрамывая, по избе, достает стаканы, режет хлеб, усаживает нас. Зовут ее славно: Пульхерия Еремеевна Котцова». Эта женщина оставила самую добрую память о себе; односельчане ласково звали ее (и сейчас зовут) Полуша. Родилась она в 1917 году (была единственным

человеком в Майде этого года рождения); в восьмилетнем возрасте ей перебило ногу упавшей дверью, отчего она всю жизнь хромала. Полуша никогда не была замужем, жила одна, и у нее любили собираться на посиделки майденские девушки. По воспоминаниям односельчан, она была очень добрая, любила петь и шутить. Умерла в середине 1980-х годов в Мезени. Внезапно почувствовала себя плохо, за ней прилетел вертолет и увез в районную больницу.

Сейчас тоня Майдица утратила промысловое значение, около нее неводоу уже не ставят, а вросший в землю ледник наглухо закрыт на замок. Однако ее до сих пор посещают поморы, рыбацкие на Майдице и соседних озерах. Если Казакова угощал «пуншиком» Илья Иванович Титов, то меня поил чаем его внук — Любомир Андреевич Малыгин. Поморские династии крепки, и если все же им придется угаснуть, то, надеюсь, это произойдет еще не скоро.

* * *

В финале «Северного дневника» Казаков так говорит о своих героях: «Жизнь их не прошла с моим отъездом, она идет, неведомая в эту минуту мне, и когда они уходят к себе, мои тихие герои, я знаю: они уходят работать, уходят трудами рук своих и напряжением душ творить и приближать наше великое будущее. <...> Я хочу снова попасть туда. Потому что Север только начинает жить, его пора только настает. И мы застанем эту пору, при нас она грянет и процветет со всей силой, доступной нашей эпохе».

Сейчас, спустя более полувека, эти слова кажутся наивными. Но влюбленный в Север Казаков верил в то, о чем писал. Эта вера позволила ему создать книгу, которая и сейчас находит отклик, будоражит воображение, манит в дальние странствия — хотя почти все им описанное уже отошло и стало историей. Прошлое еще живо, оно сопротивляется напору времени, хотя эта борьба и выглядит безнадежной. Люди покидают Север, берега Белого моря неотвратимо пустеют. Лишившись человека, природа очищается от всего искусственного и наносного, обретает безмолвное величие, которое было до нас и останется после нас.

Балакин Алексей Юрьевич

Родился в 1968 г. в Ленинграде. Старший научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) РАН, кандидат филологических наук.